

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. Вейгельтъ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Бородино. Т. Пассекъ. — П. Василий Андреевичъ Жуковский. С. Лаврентьевой. — III. Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ. (Стих.). Жуковского. — IV. Французскій плѣнникъ въ Россіи въ 1813 году.

БОРОДИНО.

Изъ разсказовъ моего дяди.

Ужъ стоимъ мы головою
 За родину свою.
 Лермонтовъ.

ВѢЗДА! звѣзда! радостно кричала я, вбѣгая въ залу. Тамъ уже былъ накрытъ столъ параднѣе обыкновеннаго. Слуга въ черкескомъ платьѣ зажигалъ бронзовые канделябры. На столѣ стояли: миска, изъ которой шель паръ съ запахомъ грибовъ, на большомъ блюдѣ раз-

варная стерлядь, крупные раки и кутья изъ пшеницы съ медомъ. Я не ѣла до звѣзды и съ наслажденіемъ остановилась передъ приготовленнымъ постнымъ обѣдомъ.

Ночь подъ Рождество была великолѣпная. Мятели стихли. Подъ яхонтовымъ небомъ разстилался чистый снѣгъ, точно коверъ сотканный изъ драгоценныхъ камней, а въ высотѣ горѣли безчисленныя звѣзды. Я долго отыскивала между ними ту звѣздочку, которая въ сумерки одна возшла на небо и возвѣстила землѣ рожденіе Божественнаго Младенца.

Когда я проснулась на другой день, солнце ослѣпительно освѣщало нашу дѣтскую и длинный рядъ комнатъ, обращенныхъ окнами на пустырь, на горизонтѣ котораго зеленѣлъ и сіялъ осыпанный снѣгомъ густой сосновый лѣсъ. Мнѣ казалось и лѣсъ, и пустырь, и городокъ нашъ, и наши убранныя комнаты, и прислуга въ новыхъ платьяхъ—все смотритъ торжественно, все радуется Рождеству Христову. Больше всего меня поразило важное видѣніе и нарядъ друга моего Петровны,—широкая, шумящая шелковая юбка и на головѣ шелковый вишневаго цвѣта платокъ, сіявшій золотомъ травочками.

Когда пріѣхали отъ обѣдни батюшка, матушка и дядя въ мундирѣ и орденахъ, съ рукой на шарфѣ, — начались поздравленія и пожеланія другъ другу счастья, потомъ чай на лучшемъ фарфоровомъ сервизѣ, пріѣздъ знакомыхъ, а послѣ роскошныхъ завтрака и обѣда—весь домъ отдыхалъ и спалъ до вечера.

— Что же, дядя, твой рассказъ о войнѣ отечественной, сказала я, входя вечеромъ въ кабинетъ, который занималъ дядя, ужъ сколько дней ты ничего не рассказываешь.

— Дѣлѣ было много, ласково отвѣчалъ дядя, сегодня можемъ поговорить. Врядъ ли кто помѣшаетъ,—въ первый день праздника всѣ больше дома.

Когда пришли въ кабинетъ батюшка и матушка, и Катерина Петровна бережно усѣлась въ своемъ праздничномъ нарядѣ за самоваръ, блестявшій ярче обыкновеннаго, дядя сказалъ:

— А вотъ, Таня заботится на счетъ двѣнадцатаго года. Мы кажется остановились на Бородинскомъ полѣ, да заслышавъ первые выстрѣлы изъ пушекъ и припрятались. И не дурно сдѣлали. Жарко тамъ было, жарче чѣмъ у тебя въ кабинетѣ, сказалъ дядя, обращаясь къ моему отцу, топишь ты братъ не жалѣя дровъ.

— Да, братъ, жарковато, я люблю тепло — и тебѣ, раненому, не дурно.

— Подъ Бородинымъ я былъ раненъ слегка въ ногу и оконтуженъ гранатой въ грудь такъ сильно, что и теперь чувствую слѣды, особенно въ дурную погоду.

— А гдѣ же вамъ руку ранили? спросила я.

— При взятіи Парижа, отвѣчалъ дядя грустно.

Онъ сильно страдалъ отъ раненой руки.

— Кажется 26 августа, въ день Бородина, сказалъ мой отецъ, праздникъ Владимірской Божіей Матери. Мы, ополченцы, въ этотъ день обѣдали у князя Шаховскаго. Гулъ пушечныхъ выстрѣловъ довольно ясно отдавался у насъ.

— Да, былъ праздникъ, отвѣчалъ дядя. Что за утро занималось въ этотъ день! тихое, ясное, росистое. Восходившее солнце, вырѣзываясь изъ-за удалявшейся тучи, брызнуло ослѣпительными лучами по домамъ, заборамъ, деревьямъ, по кургану, на которомъ сидѣлъ на скамейкѣ свѣтлѣйшій князь Кутузовъ въ бѣлой фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ, отдавалъ приказанія и внимательно смотрѣлъ въ подзорную трубу. Туда же и съ такимъ же вниманіемъ смотрѣла и окружавшая его толпа военныхъ и штабныхъ. Волшебная панорама раскидывалась передъ ними. Вся мѣстность покрыта была моремъ войска виднѣвшемся какъ бы сквозь дымку, сквозь утренній туманъ и дымъ пушечныхъ выстрѣловъ. Лучи солнца пронизывали ихъ и молніей сверкали по росѣ, по штыкамъ, по скошенной травѣ, зрѣлымъ хлѣбамъ, по извилистой смоленской дорогѣ и по перелѣскамъ, гдѣ пожелтѣвшіе листья казались топазами. Вдали зеленѣлъ лѣсъ. Надъ Бородинымъ и Колочей туманъ расплывался, таялъ,

и виднѣлась бѣлая сельская церковь, крыши избѣ, массы солдатъ, пушки, пороховые ящики. Въ этомъ мѣстѣ низомъ—по Колочѣ, полямъ, лѣсамъ, вершинамъ возвышенностей слышались то одинокіе, то гуртовые выстрѣлы. Съ лѣвой стороны точно зарождались большіе клубы дыма съ своими торжественными отголосками; а по низамъ и лѣсочкамъ взвивались маленькіе дымки ружей. Тутъ, между Бородинымъ и флешами князя Багратіона, находившимися на лѣвомъ флангѣ, гдѣ Семеновское, и происходило главное дѣйствіе сраженія. Двѣ французскія дивизіи и пошли на флешу, а полки вице-короля—на Бородино. По обѣимъ сторонамъ моста на Колочѣ, по луку, съ лежавшимъ по немъ сѣномъ, не умолкала стрѣльба; на укрѣпленіи Багратіона было самое жаркое дѣло. Какъ только взошло солнце, французы двинули на него полки. Русскіе встрѣтили ихъ пушечной пальбой. Гранаты, ядры сыпались какъ градъ. Французы стройно, смѣло шли впередъ, Багратіонъ залюбовался ими и сказалъ: славно! славно! и наши не уступали, стояли молодцами. Выхватить изъ ряда,—рядъ ужъ сомкнулся. Когда французы подошли къ нашему реду, Багратіонъ скомандовалъ въ штыки, штыки сверкнули, и закипѣлъ ужасный бой. Ляжетъ рядъ французовъ, изъ-за него мгновенно выступилъ другой. Гранаты сыплются и рвутся. Осколокъ одной гранаты ранилъ Багратіона въ колѣно и раздробилъ кость. Едва успѣли солдаты снять его съ сѣдла и унесли съ поля битвы. Ряды наши смѣшались. Какъ только донесли свѣтлѣйшему, что Багратіонъ раненъ, онъ такъ и ахнулъ, и тотчасъ послалъ генерала Дохтурова принять вмѣсто него команду. Къ французамъ все прибывали, да прибывали свѣжія силы. Мы отступили на другую сторону оврага, тамъ у насъ было опять укрѣпленіе, а французы ворвались на Красную горку, такъ называлось то мѣсто, гдѣ находилось багратіоновское укрѣпленіе. Какъ только Наполеонъ узналъ, что его герои взяли Красную горку, то такъ обрадовался, что послалъ имъ цѣлую пригоршню крестовъ, и велѣлъ конницѣ напасть на другую часть

укрѣпленія. Наши приняли ихъ въ штыки. Три раза французы нападали, три раза наши ихъ отбивали. Наполеонъ отправилъ имъ на подмогу свою гвардію; а Кутузовъ послалъ нѣсколько полковъ на ихъ лѣвый флангъ. Наполеонъ этого не ждалъ и вернулъ свою гвардію. Тогда Дохтуровъ напалъ на французовъ, и они отступили.

Генераль Барклай командовалъ центромъ и правымъ крыломъ. Наполеонъ двигалъ на него полки за полками. Пять лошадей убито подъ Барклаемъ, но онъ геройски объѣзжалъ полки и ободрялъ солдатъ. Тутъ солдаты увѣрились, что напрасно подозрѣвали его въ измѣнѣ Россіи, и какъ только онъ подѣлжалъ къ которому нибудь полку, кричали ему „ура“.

Одну батарею Барклай далъ подъ команду генералу Раевскому—красавцу и молодцу. Курганъ, на которомъ была устроена эта батарея, у русскихъ извѣстенъ подъ именемъ курганной батареи Раевского; французы считали ее важнымъ пунктомъ и засыпали ядрами и гранатами. Люди валились рядами, сбивали съ мѣстъ пушки, и тамъ разятъ, и тутъ разятъ. Наполеону хотѣлось тутъ прорваться и разрѣзать нашу армію на двое—и неудалось. Раевскій не сдавался. Французы ринулись на батарею, наши приняли въ штыки и сбросили въ ровъ, двинулись другіе, и тѣ полетѣли туда же. Наполеону это не понравилось, онъ двинулъ на батарею новые полки. Ядры, гранаты свистѣли однѣ за другими, били въ солдатъ, въ брустверъ, въ пушки, взрывали пороховые ящики, взрывали землю—наконецъ, французская пѣхота заняла батарею, а конница пронеслась дальше. Ее встрѣтилъ и атаковалъ Ермоловъ съ своими солдатами—это была извѣстная геройская атака Ермолова, гдѣ онъ раздавалъ георгіевскіе кресты, и прогналъ французовъ. Съ батареи сводили плѣнныхъ. Кругомъ лежали убитые, толпы раненыхъ едва брели, другихъ несли на носилкахъ.

Солнце стояло высоко, когда около Семеновскаго гудѣла еще отчаянная канонада. То одни русскіе появлялись среди дыма, то одни французы, то пѣхота, то кавалерія. Солдаты стрѣ-

ляли, падали, сталкивались, бѣжали назадъ... Какъ только они выходили изъ пространства, по которому летали пули и ядра, такъ сзади стоявшіе начальники формировали ихъ, подчиняли дисциплинѣ и вводили въ область огня,—и снова стройныя массы французскія возвращались разбитыми, испуганными толпами.

Съ разныхъ сторонъ являлись къ Наполеону адъютанты и говорили: русскіе страшно дерутся и производятъ адскій огонь, отъ котораго таетъ французское войско.

Наполеонъ сидѣлъ въ задумчивости на складномъ стулѣ.

Бывало послѣ двухъ, трехъ распоряженій летятъ къ нему съ поздравленіями. Маршалы и адъютанты, съ веселыми лицами, ведутъ плѣнныхъ, несутъ связки съ непріятельскими знаменами, везутъ пушки, обозы. А тутъ! — восемь часовъ продолжается сраженіе и не выиграно.

— Да, замѣтилъ мой отецъ, думаю, подивился Наполеонъ и не порадовался. Было надъ чѣмъ задуматься. Онъ отлично понималъ, что если столько времени длится сраженіе, и атакующимъ не выиграно, — значитъ сраженіе это проиграно.

— Оно стояло на точкѣ колебанія, да что одинъ день! сказалъ дядя, два мѣсяца продолжалась кампанія, и Наполеонъ не выигралъ ни одного сраженія, не взялъ ни пушекъ, ни знаменъ.

— Я думаю, дядя, вмѣшалась въ разговоръ я, Наполеонъ очень сердился, что ничего не могъ взять у насъ?

— По дѣломъ ему, разбойнику, замѣтила Петровна. Живетъ и такъ.

— Ему еще и же пришлось, отвѣтилъ дядя. Когда онъ узналъ, что русскіе атакуютъ лѣвое крыло, то сѣлъ верхомъ на лошадь и поѣхалъ къ Семеновскому. Дымъ медленно расходился по всему пространству, гдѣ онъ ѣхалъ. Въ лужахъ крови лежали люди и лошади грудами и по одиночкѣ. Гулъ орудій не умолкалъ болѣе десяти часовъ.

Позади Семеновскаго онъ увидалъ русскихъ. Они стояли неподвижно. Орудія ихъ не умолкали!

Собственно сраженія уже не было — продолжалось убійство.

Наполеонъ возвратился въ тоскѣ, пожелтѣвшимъ, съ мутными глазами, съ распухшимъ носомъ.

Ему предложили ввести въ дѣло старую гвардію.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, за 3200 верстъ отъ Франціи не могу жертвовать гвардіей.

Тогда подали совѣтъ усилить огонь. Онъ согласился.

Множество новыхъ орудій было направлено на русскихъ.

Огонь вырывалъ людей рядами.

Русскіе стояли.

— Родные! всхлипнувши, сказала Петровна. Эдакой воръ! эдакой воръ! Мало побилъ народа!

— До конца дней своихъ, сказалъ дядя, Наполеонъ не могъ понять страшнаго значенія своихъ поступковъ.

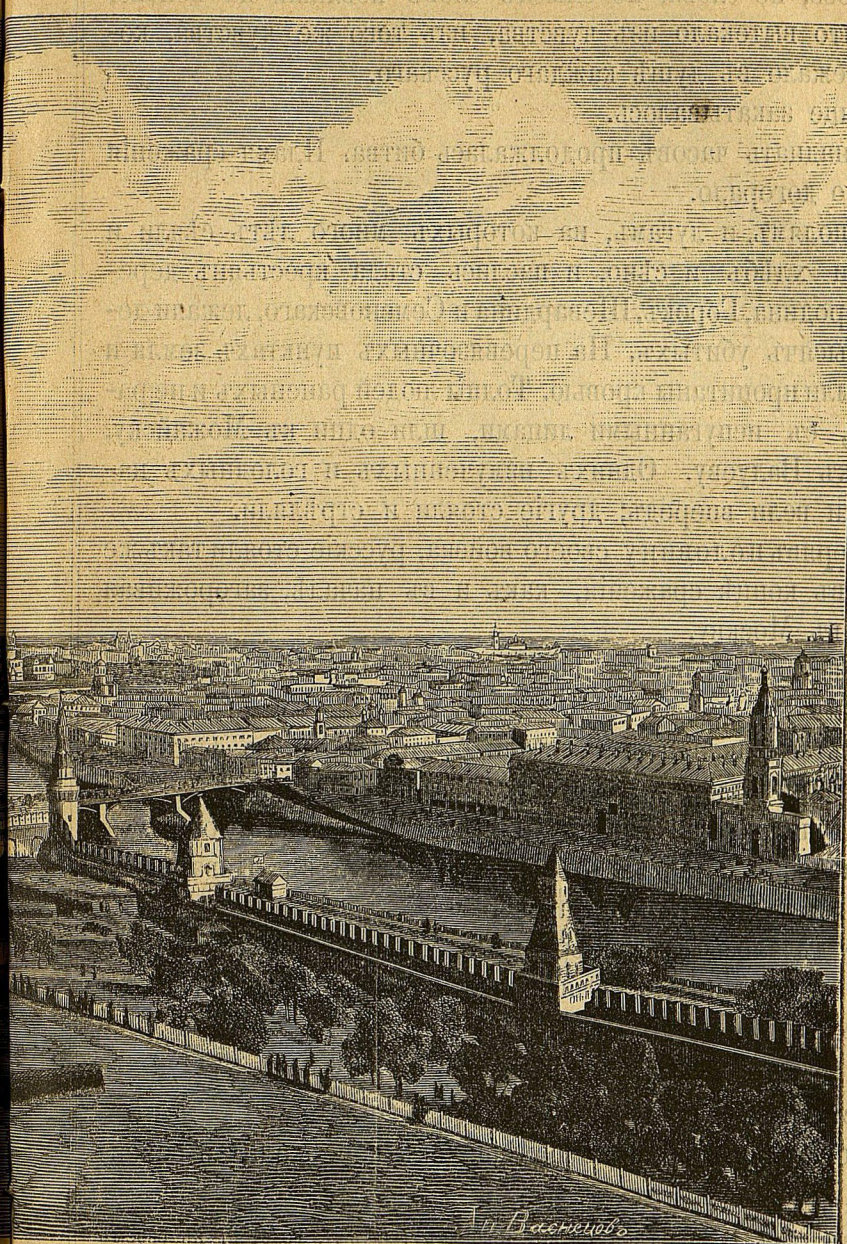
Свѣтлѣйшій все время битвы сидѣлъ на своей лавочкѣ въ Горкахъ, центрѣ позиціи русскихъ. Онъ былъ доволенъ успѣхомъ дня. Когда Барклай, видя много раненыхъ и разстроенные задніе ряды, подумалъ что сраженіе проиграно и послалъ съ этимъ къ Кутузову, Кутузовъ вспылилъ и сказалъ посланному:

— Передайте генералу Барклаю, что его свѣдѣнія не вѣрны. Настоящій ходъ дѣла извѣстенъ мнѣ, главнокомандующему, лучше чѣмъ ему, и передайте ему что мы завтра атакуемъ непріятеля. Благодарю Бога и наше храброе войско, непріятель отбить вездѣ!

— Войско стоитъ твердо, ваше свѣтлость, сказалъ вошедшій на курганъ Раевскій. — Въ нерѣшенныхъ дѣлахъ побѣдитель тотъ, кто стоитъ упрямѣе.

— Вотъ онъ, мой герой-то! сказалъ Кутузовъ, указывая на Раевского.

Отданъ былъ приказъ, что мы на завтра непріятеля атакуемъ. Приказъ былъ сообщенъ арміи, войско ободрилось,

МОСКВА

МОСКВА

утѣшилось, не слова, не смыслъ словъ повліяли на войско, а то, что вытекало изъ чувства, изъ того же чувства, которое лежало въ душѣ каждого русскаго.

Солнце закатывалось.

Пятнадцать часовъ продолжалась битва. Пламя сраженія медленно догорало.

По полямъ и лугамъ, на которыхъ много лѣтъ сѣяли и собирали хлѣбъ и сѣно, и паслись стада крестьянъ деревень: Бородина, Горокъ, Шевардина и Семеновскаго, лежали десятки тысячъ убитыхъ. На перевязочныхъ пунктахъ земля и трава были пропитаны кровью. Толпы людей раненыхъ и нераненыхъ, съ испуганными лицами, шли одни къ Можайску, другіе къ Валуеву. Однихъ измученныхъ и голодныхъ начальники вели впередъ; другіе стояли и стрѣляли.

Потерявъ половину своего войска, русскіе стояли такъ же грозно въ концѣ сраженія, какъ и въ началѣ, загромождая дорогу въ Москву.

Нравственная побѣда подъ Бородинымъ была одержана русскими *).

Какъ замолкла пальба, стали бродить по полю французскіе и наши солдаты и подбирали своихъ раненыхъ.

Наступила ночь. Набѣжали тучки, заморосилъ дождь.

Наполеонъ остался съ своими войсками въ Шевардинѣ, русскіе отступили къ Можайску.

Что дѣлалось въ это время въ Москвѣ и какъ попалъ въ нее Наполеонъ, сказалъ дядя, вставая съ дивана, — мы узнаемъ завтра.

Наступили святки.

Многіе изъ сосѣднихъ помѣщиковъ переѣхали съ семей-

*) Слѣдствіемъ Бородинской битвы, говоритъ графъ Л. Толстой, въ своемъ превосходномъ романѣ „Война и миръ“, было безпримѣрное бѣгство Наполеона изъ Москвы, возвращеніе по старой смоленской дорогѣ; гибель 500 тысячнаго нашествія и гибель Наполеоновской Франціи, на которую въ первый разъ подъ Бородинымъ была наложена рука сильнѣйшаго духомъ противника.

ствами на праздники въ нашъ городокъ — повеселиться. Отецъ и мать моя съ большей частью изъ нихъ были пріятельски знакомы; начались взаимныя посѣщенія, вечеринки и угощенья, въ которыхъ мы съ братомъ не участвовали; за то насъ каждый день стали отпускать гулять по двору и въ саду, такъ какъ погода установилась тихая и ясная, съ небольшими морозами. Надѣвши теплые сапоги и на заячьемъ мѣху шубки, мы съ утра уходили въ садъ, гдѣ расчистили для насъ большую, широкую аллею. По этой аллее мы не столько бѣгали, сколько дворовые ребятишки катали насъ, тройками, въ салазкахъ. Вскорѣ катанье замѣнилось ловлею сѣткой птичекъ. Этой охотой занимался у насъ старый камердинеръ моего отца, Филиппъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ Володькой, ловкимъ на все. Володька катался колесомъ, ставши вверхъ ногами, ходилъ на рукахъ, мастерски дѣлалъ и спускалъ змѣевъ, доставалъ изъ гнѣздъ яички и маленькихъ птичекъ — и зналъ множество сказокъ. Въ садъ къ намъ прилетали стадами синицы, воробьи и еще какія-то пестрыя съ хохлами птички, вѣроятно ихъ привлекала близость къ саду конюшень, около которыхъ всегда находилось много просыпаннаго овса.

Вечеромъ стали пріѣзжать къ намъ замаскированные. — Тотчасъ являлась музыка, танцы, ужинъ; намъ не позволяли долго присутствовать при этихъ увеселеніяхъ и рано отправляли въ дѣтскую. За то въ увеселеніяхъ дѣвичьей мы были первыя лица, — тутъ шли игры въ веревочку, въ колечко, пѣли подблюдныя пѣсни, лили воскъ, гадали разнымъ образомъ и рассказывались страшныя исторіи, отъ которыхъ не спалось.

Иногда докладывали господамъ, что пришли ряженые — дворовые люди. Ихъ приглашали въ залу — и кого, кого тутъ не было: цыгане, крестьяне, турки, трактирщики, медвѣдь и коза, — осмотрятся и пошло веселье; — звучитъ балалайка, живо пляшетъ цыганка, лихой парень вы_

кидываетъ присядку, — это переодѣтая дѣвочка, она манитъ нарядную крестьянку чуть не въ сажень ростомъ, — это нашъ выѣздной слуга Егоръ, на мѣсто крестьянки выступаетъ сгорбленная старушка и подпершись рукой идетъ бокомъ — всѣ катаются со смѣха, медвѣдь обходитъ общество съ шапкой, — коза щеголеватой выступкой идетъ слѣдомъ за нимъ и щелкаетъ надъ головой палочками. Присутствующіе стараются угадать подъ масками наряженныхъ, — шутятъ, угощаютъ жемками и орѣхами. Пляски прерываетъ пѣсня то въ одинъ голосъ, то хоровая, и святошныя игры. Веселье разгорается и идетъ чуть не всю ночь.

По приѣздѣ новыхъ болѣе изящно ряженныхъ, домашнія маски и насъ удаляютъ.

Святки прошли незамѣтно.

Въ крещенскій сочельникъ мы не ѣли до святой воды, на всѣхъ дверяхъ Петровна начертила кресты, затѣмъ наступила обычная, однообразная жизнь, вмѣстѣ съ трескучими крещенскими морозами.

Прогулки наши по снѣгу прекратились. Дядя праздниками жаловался на сильную боль руки, и мы не тревожили его просьбами на счетъ отечественной войны.

Какъ только ему стало лучше, онъ позвалъ насъ въ кабинетъ и предложилъ потолковать о томъ, какъ Наполеонъ пришелъ въ Москву, да не на радость.

— Послѣ Бородинскаго дѣла, началъ дядя, наша армія пошла къ Можайску. Тамъ свѣтлѣйшій распорядился устройствомъ раненыхъ и отдалъ приказъ арміи отступать къ Москвѣ.

Не весело двинулись солдаты — это открывало Наполеону дорогу въ нашу древнюю столицу, но еще надѣялись, что подъ Москвой дадимъ сраженіе.

Наполеонъ пошелъ слѣдомъ за нами.

Когда наши дошли до Поклонной горы, то повернули въ село Филю. Тутъ князь Кутузовъ остановился и приказалъ

собрать военный совѣтъ. Сошлись всѣ генералы въ крестыанской избѣ—усѣлись на лавкахъ и стали толковать, что выгоднѣе для Россіи—принять ли сраженіе подъ Москвой, или отдать Москву безъ сраженія. Большинство было за сраженіе, были и противнаго мнѣнія. Судили, рядили и когда больше говорить было не о чемъ, то свѣтлѣйшій, пользуясь минутой молчанія, медленно всталъ, подошелъ къ столу, вздохнулъ и сказалъ:

— Господа! Если Наполеонъ овладѣетъ Москвой, отъ этого Россія не погибнетъ, а потеряемъ нашу армію, такъ и Россія съ нею пропадетъ. Армія-то и такъ убавилась подъ Бородинымъ, и потому я—властью врученной мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ—приказываю отступать.

Отпустивши генераловъ, свѣтлѣйшій облокотился о столъ и долго сидѣлъ задумавшись.

Поздно вечеромъ вошелъ къ нему адъютантъ и сказалъ:

— Ваша свѣтлость, вамъ необходимо отдохнуть.

Не отвѣчая адъютанту, Кутузовъ ударилъ кулакомъ по столу и вскрикнулъ: „да нѣтъ же! будутъ они у меня лошадиное мясо ѣсть, какъ турки“...

Когда Кутузовъ прилегъ, адъютантъ слышалъ, что старшій фельдмаршалъ *) плачетъ.

1-го сентября, Кутузовъ отдалъ приказъ арміи—къ разсвѣту отступать черезъ Москву на рязанскую дорогу.

Армія наша вступила въ Москву нѣсколькими заставами. Иные полки шли мимо Кремля, крестились и слышались рыданья.

Жители выбѣгали на встрѣчу войску, священники облачались въ ризы и выходили на паперти церквей, мимо которыхъ шло войско, кропили его святой водой и благословляли на брань.

*) Послѣ Бородинскаго сраженія государь пожаловалъ Кутузову чинъ фельдмаршала.

Въ это время московскій генераль-губернаторъ графъ Растопчинъ, который до военнаго совѣта не ждалъ сдачи Москвы, сдѣлалъ послѣднія распоряженія въ городѣ и уѣхалъ изъ него.

— Я много слышала, сказала моя мать, о томъ, какъ жители оставляли Москву, какъ проходило черезъ нее наше войско, и о вступленіи непріятеля отъ личнаго свидѣтеля Сидора Миняича, стараго слуги моей бабушки, княжны М—ой, у которой былъ въ Москвѣ свой каменный двухъэтажный домъ, на Малой Бронной. Старушка не вѣрила печатнымъ объявленіямъ графа Растопчина, въ которыхъ онъ говорилъ, что опасаться нечего, и заранѣе убралась изъ столицы. Она оставила при домѣ Сидора съ внукомъ, мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати, да на ихъ попеченіи обезьяну Макарушку, зеленого попугая и кучера Платона, потому что онъ запивалъ.

Когда графъ Растопчинъ выдавалъ жителямъ оружіе изъ арсенала, Платону досталась сабля, съ которой онъ и не разставался. Сидоръ и Платонъ видѣли, какъ наша армія проходила утромъ черезъ Дорогомиловскій мостъ. На мосту и передъ мостомъ, говорили они, тѣснились и спѣшили безчисленныя толпы войска и народа, многіе перебирались въ бродъ и переплывали въ лодкахъ. По другую сторону рѣки улицы также были запружены войскомъ и народомъ.

— Да, сказалъ дядя, графъ Растопчинъ былъ увѣренъ, что до Москвы недопустятъ французовъ. Онъ печаталъ и говорилъ, что бояться нечего, ему вѣрили, и немногіе оставляли Москву. Вѣсть о Бородинскомъ дѣлѣ поразила какъ громъ, жители поднялись разомъ, днемъ и ночью по улицамъ тянулись экипажи и простыя повозки. Многіе пѣшкомъ уходили. Въ гостиномъ дворѣ валялись тюки, бочки, слышались крикъ, шумъ, драка, у заставъ давка.

Москва пустѣла. Дома стояли съ запертыми воротами и съ затворенными ставнями.

2-го сентября Наполеонъ съ своимъ войскомъ стоялъ на Поклонной горѣ. Утро было тихое, блестящее. Москва раз-

стилалась передъ нимъ во всей красотѣ своей съ извивающею голубой лентой рѣки, съ садами, зданьями, съ множествомъ церквей; позлащенные куполы и кресты сіяли какъ звѣзды въ яркихъ лучахъ солнца.

— „Вотъ она, Москва, говорилъ Наполеонъ, этотъ азіатскій городъ — лежитъ у ногъ моихъ. Но я пощажу ее. Съ высоты Кремля дамъ русскому народу законы справедливости, покажу что значитъ цивилизація. Я скажу депутаціи, что я люблю и уважаю императора Александра; въ Москвѣ приму условія мира, достойныя меня и моего народа, и не воспользуюсь счастьемъ войны для униженія уважаемаго государя. Бояре! скажу я ясно и торжественно, я не хочу войны, хочу мира и благоденствія моихъ подданныхъ“.

Прошло два часа, депутаціи не было. — Неужели я въ Москвѣ? думалъ Наполеонъ, и ожидалъ, что ему какъ въ другихъ государствахъ поднесутъ ключи города и примутъ отъ него приказанія. Наконецъ, теряя терпѣніе, обратился къ окружавшей его блестящей свитѣ и сказалъ: приведите ко мнѣ бояръ.

Генералы и часть свиты понеслись къ Москвѣ.

Въ Москвѣ все было пусто, всѣ дома заперты, повстрѣчали они кой-кого изъ земляковъ, спрашиваютъ ихъ, гдѣ отыскать почетныхъ гражданъ? Говорятъ, и граждане и власти всѣ выѣхали. Потолковали между собою и рѣшили хотя земляковъ привести къ Наполеону, пусть самъ допроситъ.

Посланные возвратились съ земляками и доложили императору въ чѣмъ дѣло. Ждать было нечего. Наполеонъ приказалъ выпалить изъ вѣстовой пушки—армія двинулась, полки понеслись къ Москвѣ и вступили въ нее заставами: Тверской, Калужской, Дорогомиловской, въ то самое время, какъ наши послѣдніе полки изъ Москвы выступили, Наполеонъ остановился у Дорогомиловской заставы, всталъ съ лошади и долго ходилъ около вала, ожидая депутаціи.

Т. Лассекъ.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

1784 — 1852.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

Пушкинъ.

(Къ портрету Жуковскаго).

НИМИ словами нашъ гениальный поэтъ правдиво очертилъ характеръ поэзіи Жуковскаго; она, то торжественнымъ стихомъ воспѣваетъ славу родины, славу ея героевъ, то утѣшаетъ вѣрой въ провидѣніе, то грустной мелодіей наводитъ задумчивость.

Грусть, стремление вдаль, къ чему-то неопредѣленному, таинственному—основная черта поэзіи Жуковскаго. Эта черта проявилась въ немъ съ ранняго дѣтства и развилась подъ вліяніемъ условій жизни и прекрасной природы, среди которой онъ росъ.

Василій Андреевичъ Жуковскій родился 29 января 1784 года, въ имѣніи своего отца, богатаго помѣщика Тульской губерніи, Бѣлевскаго уѣзда, въ селѣ Мишенскомъ.

Онъ былъ младшимъ и единственнымъ сыномъ семейства, состоявшаго изъ пяти взрослыхъ дочерей, изъ которыхъ старшая была уже замужемъ. Любимый и балованный

всѣми, Василій Андреевичъ, окруженный дѣвчушками и дѣвочками, и самъ сталъ походить на дѣвочку чувствительностію, мягкими манерами и дѣвической стыдливостію. Врожденная склонность къ мечтательности съ дѣтства развила въ немъ тихую грусть. Ребенкомъ онъ часто бросалъ рѣзвые игры, уходилъ куда нибудь одинъ и иногда по цѣлымъ часамъ бродилъ по сельскому кладбищу — тамъ нравилась ему торжественная тишина; тамъ ему казалось, что и деревья, чуть-чуть шелестя своими листочками, шепчуть что-то другое, что-то таинственное, и будто поютъ колыбельную пѣсню надъ вѣчнымъ сномъ усопшихъ; онъ любилъ думать, что вотъ эта щебетунья птичка, вдругъ разлившаяся своей безыскусственной пѣснью надъ новой могилой — душа прилетѣвшая заглянуть на свою покинутую семью и снова возвращается въ небо, раскинувшееся надъ нимъ яснымъ шатромъ; любилъ смотрѣть какъ загорались въ высотѣ звѣзды — вотъ блеснула одна, другая еще затеплилась и съ его пера сливается:

Сіяють звѣзды съ вышины,
То свѣтъ родимой стороны.
Туда черезъ могилу путь,
Въ могилѣ жъ только отдохнуть.

Первымъ наставникомъ Жуковскаго былъ какой-то гувернеръ изъ нѣмцевъ — Акимъ Ивановичъ. Онъ было вздумалъ употребить съ нѣжнымъ балованнымъ мальчикомъ крутыя мѣры и вскорѣ былъ удаленъ. Педагогъ этотъ не понималъ что истинная любовь если и балуетъ, то не портитъ, а въ маленькомъ Жуковскомъ общая нѣжность еще развила его благородные, изящные инстинкты и блестящія способности. Самыя черты и выраженіе его лица, пріятный ростъ и вся его наружность — привлекали и заставляли предполагать въ мальчикѣ что-то выходящее изъ ряда вонъ.

Первоначальное обученіе будущаго поэта шло не особенно успѣшно. Привыкшій къ нѣжному обращенію, къ обществу, къ домашнимъ послабленіямъ и развлеченіямъ, онъ

никакъ не могъ сжитья со школьной жизнью ни въ нѣмецкомъ пансіонѣ Роде въ Тулѣ, ни въ Тульскомъ народномъ училищѣ, куда затѣмъ былъ переведенъ. Въ народномъ училищѣ въ немъ проявилась любовь къ поэзіи, и онъ началъ пописывать стихи, которые приводили въ восторгъ его товарищей; за то раздражали и сердили старшаго учителя—Покровскаго; онъ хотѣлъ сдѣлать изъ Жуковскаго математика, но видя что мальчикъ не склоненъ къ математическимъ занятіямъ, исключилъ его изъ школы, какъ неспособнаго.

Тогда родные записали двѣнадцатилѣтняго поэта въ рязанскій пѣхотный полкъ, квартировавшій въ Кексгольмѣ, одѣли въ мундиръ и отправили въ Петербургъ для дальнѣйшаго слѣдованія.

Въ Петербургѣ онъ видѣлъ въ первый и послѣдній разъ Императрицу Екатерину II-ю по случаю большаго выхода, ему достали мѣсто на хорахъ Зимняго дворца.

Между тѣмъ велѣно было всѣхъ малолѣтнихъ дворянъ, считавшихся въ военной службѣ, изъ службы исключить и до шестнадцати лѣтъ воспитывать дома или въ школахъ.

Такимъ образомъ Жуковскій вновь вернулся въ родимую семью, въ общество сестеръ и племянницъ—дѣтей старшей сестры Юшковой *), его крестной матери. Дома онъ сталъ сочинять драмы, которыя они всѣ вмѣстѣ разыгрывали, самъ авторъ игралъ въ нихъ первыя роли. Въ это время онъ написалъ двѣ драмы: „Камилъ или освобожденный Римъ“ и „Поль и Виргинія“.

Когда Жуковскому исполнилось четырнадцать лѣтъ, родные отправились съ нимъ въ Москву, чтобы остаться тамъ до коронаціи новаго императора, а Василья Андреевича опредѣлили въ благородный пансіонъ, бывшій при Московскомъ университетѣ. Въ пансіонѣ онъ слушалъ лекціи изъ

*) Дочь ея А. П. Зонтагъ прибрѣла извѣстность въ нашей литературѣ своими сочиненіями для дѣтей.

двадцати научныхъ предметовъ и пяти иностранныхъ языковъ, сверхъ того занимался музыкой, рисованьемъ, танцами, фехтованьемъ, верховой ѣздой, ружейными приёмами и маршировкой. Но такое множество занятій не отвлекло Жуковского отъ поэзіи, напротивъ кружокъ отличныхъ товарищей еще поощрялъ его. Между ними были и тѣ избранные, которые до конца жизни остались его друзьями. Все тутъ способствовало развитію счастливыхъ дарованій поэта. Здѣсь созданъ цѣлый рядъ его мелкихъ стихотвореній и прозаическихъ статей; нѣкоторыя появились и въ печати, первыми изъ нихъ были трогательная статья „Мысль при гробѣ“ и стихотвореніе „Майское утро“.

Начало литературныхъ успѣховъ Жуковского можно считать съ его жизни въ университетскомъ пансіонѣ; но поэзія не отклоняла его отъ учебныхъ занятій. На публичныхъ экзаменахъ первая награда за успѣхи въ наукахъ всегда доставалась ему. По окончаніи курса имя его было написано на золотой доскѣ, какъ одного изъ лучшихъ учениковъ. Свыкнувшись съ литературнымъ трудомъ, онъ еще въ пансіонѣ сталъ писать и переводить для книгопродавцевъ и бралъ за трудъ свой не деньгами, а книгами—сочиненіями своихъ любимыхъ иностранныхъ поэтовъ и историковъ. Такимъ образомъ, къ окончанію курса ученія, онъ составилъ собственнымъ трудомъ очень хорошенькую библіотеку, которую и увезъ съ собою въ деревню.

Въ пансіонѣ былъ въ то время кураторомъ И. П. Тургеневъ, сыновья Тургенева учились вмѣстѣ съ Жуковскимъ. Василій Андреевичъ былъ друженъ съ молодыми людьми и радушно принять въ домъ ихъ родителей. Въ домъ Тургеневыхъ онъ въ первый разъ встрѣтился съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ. Они тогда же поняли чѣмъ можетъ быть этотъ юноша только что вышедшій изъ дѣтства.

Василій Андреевичъ окончилъ свое ученіе семнадцати лѣтъ, поступилъ на службу въ одно изъ присутственныхъ мѣстъ, прослужилъ два года, вышелъ въ отставку и уѣхалъ

въ свое Мишенское. Тамъ онъ проводилъ все время среди родной семьи и природы, подъ тихою сѣбною задумчивыхъ лѣсовъ, на бархатныхъ лугахъ, озаренныхъ свѣтомъ луны и трепетнымъ мерцаньемъ звѣздъ. Ихъ свѣтъ и тишина ночи были ему милѣй яркихъ огней шумныхъ гостинныхъ.

Первые стихи, написанные Жуковскимъ по прибытіи въ деревню, были „Сельское кладбище“, они сразу поставили его въ разрядъ лучшихъ русскихъ поэтовъ и были напечатаны тогда же въ журналъ „Вѣстникъ Европы“, который издавался съ 1802 года подъ редакціей Карамзина.

Въ Мишенскомъ и Бѣлевѣ были написаны Жуковскимъ и другія стихотворенія. Въ Мишенскомъ кромѣ семейства Юшковой жила еще другая сестра Жуковского, К. А. Протасова. Одной изъ дочерей Протасовой, бывшей впослѣдствіи замужемъ за А. Ѳ. Воейковымъ, посвящены: первая часть „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“ и „Свѣтлана“.

Изрѣдка Жуковскій навѣщалъ и Москву, гдѣ сходилъ съ замѣчательными людьми того времени. Карамзинъ сильно заинтересовался его сочиненіями. Мечтательно-грустное настроеніе поэта продолжалось проявляться въ большинствѣ его произведеній, — ясно, что оно зависело не отъ обстоятельствъ, которыя были какъ нельзя болѣе благоприятны, а отъ его натуры, любившей останавливаться на грустныхъ моментахъ жизни человѣческой. Это настроеніе расположило его къ такъ называемой романтической поэзіи среднихъ вѣковъ *) и онъ первый внесъ романтизмъ въ нашу поэзію, до него направленіе ея было классическое. Романтическая поэзія, введенная у насъ Жуковскимъ, заимствована у англичанъ и особенно у нѣмцевъ.

Когда „Вѣстникъ Европы“ сталъ упадать, Жуковскій принялъ его въ свое завѣдываніе въ 1808 году, придалъ журналу жизнь и занимательность и продолжалъ до 1810

*) Романтическая поэзія получила свое начало отъ того, что произведенія ея писались на языкахъ романскихъ. Классическая поэзія древняго міра — греческаго и римскаго.

года. Журнальная дѣятельность ввела его въ сношеніе съ публикою и доставила блестящее положеніе въ общемъ мнѣніи. Освободившись отъ срочной работы, Жуковскій началъ жить только для поэзіи. Карамзинъ и другіе люди, избранные по уму и происхожденію видѣли въ немъ лучшую надежду русской литературы. Молодое поколѣніе предчувствовало въ Жуковскомъ нравственный разсвѣтъ, стихи его переходили изъ рукъ въ руки и являлись въ печати въ Москвѣ и Петербургѣ.

Когда скончалась мать Жуковского, онъ поселился въ Муратовѣ, *) въ деревнѣ сестры своей Протасовой. Сельская жизнь и тихія удовольствія всегда увлекали его. Окруженный любящими его людьми, сходными съ нимъ образованіемъ, вкусами и занятіями—онъ проводилъ самые счастливые дни. Съ дѣтства своего онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, впослѣдствіи изучилъ ихъ основательно, и много переводилъ изъ своихъ любимыхъ иностранныхъ поэтовъ, особенно тѣхъ, которые соотвѣтствовали его меланхолическому строю души. Переводя, онъ сохранялъ въ своихъ выраженіяхъ и красоту стиха, и отличительный характеръ каждаго произведенія. Такимъ образомъ, онъ ознакомилъ насъ съ романтическою поэзіей иностранныхъ писателей, особенно нѣмецкихъ. Любимый поэтъ его Шиллеръ отразился во всѣхъ твореніяхъ нашего поэта; онъ взялъ у Шиллера „Орлеанскую дѣву“—драму, выражающую вдохновеніе неба, и для неба отреченіе отъ земли. У Байрона—„Шильонскаго узника“, изображающаго страданія невинно заключенныхъ братьевъ; у Мура—„Пери и Ангель“, стремленіе души отъ земли къ небу; у Клопштока „Аббадону“, раскаяніе падшаго ангела и тоску по небу. Въ этомъ же романтическомъ духѣ онъ писалъ свою „Свѣтлану“ и „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“.

Свои живыя, чистыя, возвышенныя чувства онъ выразилъ особенно въ первой части „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“ и въ „Посланіи къ Батюшкову“.

*) Орловской губерніи, Болховскаго уѣзда.

Вообще же оригинальныхъ сочиненій Жуковского не-много.

Въ іюлѣ 1812 года обнародованъ былъ Высочайшій манифестъ объ ополченіи.

Начиналась знаменитая отечественная война.

На другой же день по прочтеніи манифеста, Жуковскій записался въ ополченіе, а 19 августа уже выступилъ изъ Москвы. Онъ постоянно находился при главнокомандующемъ арміей князѣ Кутузовѣ-Смоленскомъ. Передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, при заревѣ бивуачныхъ огней, Жуковскій написалъ свое лучшее стихотвореніе „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ стихотвореніемъ не только на войско, но и на всю Россію, было сильно, восторженно! Каждый стихъ повторялся какъ заветное слово.

Продолжая слѣдовать за войскомъ, Жуковскій за нѣсколько переходовъ до Вильно заболѣлъ горячкой, которая чуть не свела его въ могилу. Немного оправившись, онъ по распущеніи ополченія, въ 1813 году, еще полубольной вернулся въ деревню, гдѣ совершенно выздоровѣвъ, принялся опять писать и выразилъ свой восторгъ передъ родиной, вышедшей побѣдительницей изъ безпримѣрной въ исторіи борьбы.

Императрица Марья Ѳеодоровна, прочитавши стихотвореніе „Пѣвецъ востанѣ русскихъ воиновъ“, приказала просить автора доставить ей на память экземпляръ этихъ стиховъ, переписанныхъ его собственной рукой и приглашала въ Петербургъ. Онъ былъ еще не въ силахъ ѣхать и потому отправилъ требуемый экземпляръ, прибавивъ къ нему новое стихотвореніе, посвященное вдовствующей императрицѣ, которое начиналось словами:

„Мой слабый стихъ царица одобряетъ“.

II.

Это стихотвореніе имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Жуковскаго. При дворѣ „Посланіе“ произвело глубокое впечатлѣніе. Вдовствующая императрица послала поэту брилліантовый перстень и выразила желаніе лично видѣть его.

Весной, Жуковскій отправился въ Дерптъ, гдѣ жила съ семействомъ сестра его, Протасова. Проѣздомъ черезъ Петербургъ онъ былъ представленъ императрицѣ, принятъ самымъ милостивымъ образомъ и былъ назначенъ лектора у ея величества.

Жуковскій пробылъ въ Петербургѣ недолго и уѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ снова хотѣлъ отдаться своимъ литературнымъ занятіямъ, какъ въ 1817 году былъ приглашенъ въ преподаватели русскаго языка къ невѣстѣ великаго князя Николая Павловича, брата государя, дочери прусскаго короля Вильгельма III.

Уѣзжая въ Петербургъ, прощаясь съ друзьями, Жуковскій сказалъ имъ: „романъ моей жизни конченъ, начинается исторія“.

Въ 1821 году, великій князь Николай Павловичъ съ великой княгиней Александрой Ѳеодоровной отправился въ заграничное путешествіе. Жуковскій былъ въ числѣ лицъ сопровождавшихъ ихъ. Въ продолженіи этой очаровательной поѣздки онъ написалъ: „Орлеанскую Дѣву“, „Пери и Ангелъ“, и „Шильонскаго узника“.

Когда въ 1826 году вступилъ на престолъ императоръ Николай, Павловичъ то тотчасъ же избралъ Жуковскаго въ наставники къ семилѣтнему великому князю, наслѣднику Александру Николаевичу.

Жуковскій весь отдался великому дѣлу воспитанія будущаго Императора. Онъ любилъ это царственное дитя, онъ видѣлъ его съ колыбели и привѣтствовалъ его рожденіе словами:

Да встрѣтитъ онъ обильный честию вѣкъ!
 Да славнаго участникъ славный будетъ!
 Да на чредѣ высокой не забудетъ
 Святѣйшаго изъ званій: человекъ.

Вступивши на тронъ, Александръ II не забылъ завѣта воспитателя — онъ освободилъ отъ крѣпостнаго состоянія крестьянъ и поработенныхъ славянъ.

„Моя настоящая должность, писалъ Жуковскій одному изъ друзей, беретъ все мое время. Въ головѣ одна мысль, въ душѣ одно желаніе. Не думавши, не гадавши, я сдѣлался наставникомъ наслѣдника престола. Какая забота и отвѣтственность!... Цѣль для цѣлой остальной жизни! Чувствую ея великость, и всѣми мыслями стремлюсь къ ней!... Занятій множество: надобно учить и учиться—и время все захвачено. Прощай навсегда поэзія съ рифмами! Поэзія другаго рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь“.

„Во всѣ часы дня, говоритъ Плетневъ, Жуковского видѣли за предварительными работами и предназначеніями. Не довѣряя одной опытности своей, своимъ только знаніямъ, онъ совѣтовался съ извѣстными въ столицѣ педагогами. Первые уроки каждаго предмета передавалъ самъ, желая видѣть на опытѣ, соотвѣтствуютъ ли то его планамъ“.

Жуковскій любилъ работать утромъ, вставалъ въ 5 часовъ. Онъ обращалъ большое вниманіе на свой кабинетъ, отводилъ для него лучшую комнату въ своей квартирѣ. Его письменный столъ былъ устроенъ со всевозможными приспособленіями для удобства занятій, и всѣ принадлежности для письма, какъ-то: тетради, перья, карандаши, доски содержались въ исправности и изобиліи. Кабинетъ свой онъ любилъ украшать статуями и бюстами.

Кромѣ занятій при наслѣдникѣ, Жуковскій слѣдилъ и за воспитаніемъ великихъ княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны. Затѣмъ слѣдовали его путешествія за-границу

и по Россіи съ наслѣдникомъ. Писаль онъ въ это время мало, да и то больше переводы и подражанія нѣмецкимъ писателямъ. Изъ оригинальныхъ его произведеній этого времени считается лучшимъ „Бородинская годовщина“.

Въ 1831 году жилъ въ Царскомъ Селѣ Пушкинъ съ своей молодой женою, тамъ же находился съ дворомъ и Жуковскій. Оба поэта цѣлые дни проводили вмѣстѣ и толковали о своихъ литературныхъ занятіяхъ. Пушкинъ былъ увлеченъ въ то время русскими сказками. Жуковскій былъ отъ нихъ въ восторгѣ, самъ принялся за этотъ родъ поэзіи и явились „Царь Берендей“, „Спящая царевна“, „Война мышей и лягушекъ“. Но на нихъ не леж ить той печати народности, какъ на сказкахъ Пушкина.

Жуковскій зналъ Пушкина, когда тотъ былъ еще въ лицѣ, поощрялъ его къ стихотворнымъ занятіямъ, и былъ такъ восхищенъ его поэмою „Русланъ и Людмила“, что послалъ ему свой литографированный портретъ съ надписью: ученику побѣдителю отъ побѣжденного учителя. Къ этому портрету Пушкинъ написалъ тѣ прелестные стихи, которыми начинается эта статья.

Въ 1832 году Жуковскій провелъ слишкомъ годъ за-границей, большей частію въ Швейцаріи, тамъ онъ написалъ нѣсколько прелестныхъ стихотвореній и три первыя главы „Ундины“.

Въ послѣдніе годы ученія наслѣдника, вышло въ 8 томахъ полное изданіе сочиненій Жуковскаго въ стихахъ и прозѣ.

Окончивши свои занятія наставника съ наслѣдникомъ, Жуковскій уѣхалъ за-границу и уже не возвращался въ Россію. Государь осыпалъ его милостями и обезпечилъ на всю жизнь. Во время своихъ поѣздокъ въ Германію, Жуковскій приобрѣлъ тамъ много друзей, а вскорѣ и женился на дочери своего друга, живописца Рейтерна, небогатаго лифляндскаго помѣщика.

Женившись, Жуковскій поселился въ Дюсельдорфѣ почти

за городомъ. На Рейнѣ наняты были два домика раздѣленные садомъ. Въ одномъ жилъ Рейтернъ съ семьею, въ другомъ Жуковскій съ женою. Къ обѣду оба семейства сходились вмѣстѣ. Жуковскому было въ это время за шестьдесятъ лѣтъ, а женѣ его девятнадцать, но не смотря на такую большую разницу въ лѣтахъ, они наслаждались тихой, счастливою жизнью. Счастіе ихъ увеличилось рожденіемъ двухъ дочерей. Жуковскій самъ началъ учить ихъ, составлялъ для нихъ первоначальныя руководства. Разстроенное здоровье жены заставило ихъ переселиться во Франкфуртъ—а потомъ въ Баденъ-Баденъ. Каждый годъ онъ думалъ съѣздить на родину, увидаться съ друзьями и родными, но положеніе жены требовало жить въ умѣренномъ климатѣ. Въ это время Жуковскій переложилъ стихами Одиссею Гомера. Последнимъ трудомъ его былъ переводъ персидской поэмы „Рустанъ и Заремъ“. Уже больной и полуослѣпшій онъ диктовалъ свои стихотворенія. Последніе стихи его были „Царскосельскій лебедь“, сочиненный на одинъ изъ фонтановъ Царскаго Села, изображающій умирающаго лебедя.

12-го апрѣля 1852 года Василій Андреевичъ Жуковскій скончался въ Баденъ-Баденѣ. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ, гдѣ 29 іюля, послѣ панихиды вынесено друзьями, въ числѣ которыхъ находился и его царственный воспитанникъ цесаревичъ, изъ главнаго храма Александро-Невской лавры на ея кладбище, гдѣ и опущено въ землю, рядомъ съ могилою Карамзина.

Человѣкъ высоко-нравственный и глубоко-религіозный, Жуковскій какъ говоритъ въ своихъ письмахъ его духовникъ священникъ Іоаннъ Базаровъ, чувствуя себя уже дурно, приготовлялся къ смерти, какъ истинный христіанинъ. За три дня до кончины онъ, вмѣстѣ со своими дѣтьми, причастился святыхъ таинъ; затѣмъ, хотя и впадалъ временами въ забытіе, но узнавалъ жену и дѣтей и, наконецъ, заснувши спокойнымъ сномъ, перешелъ къ вѣчности.

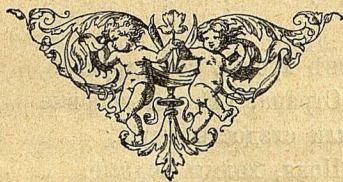
„Взойдя въ комнату, пишетъ священникъ, гдѣ лежалъ

преставившійся еще въ кровати, обставленный цвѣтами, и обвитый большою гирляндой изъ неувядаемой зелени, я думалъ видѣть болѣе усталаго пѣвца, тихимъ сномъ покоившагося на лаврахъ, нежели обыкновеннаго умершаго. Кротость и спокойствіе, сіявшія на лицѣ его, свидѣтельствовали о тихой кончинѣ ниспосланной ему Богомъ“.

Когда отецъ Іоаннъ смотрѣлъ на усопшаго поэта, всю жизнь стремившагося въ высоту, ему пришли на умъ его послѣднія стихи: „Царскосельскій лебедь“.

А когда допѣлъ онъ—на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши,
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ... и навзничъ съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ не горящій.

С. Лаврентьева.

ПѢВЕЦЪ ВО СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ.

А ПОЛѢ бранномъ тишина,
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровь небесъ надъ нами.

Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.

.
.
.
.

* * *

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златяны игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнить?
О родина святая,
Какое сердце не дрожить,
Тебя благословляя?

* * *

Тамъ все: тамъ родныхъ милый домъ;
Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы—прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы,
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы!

* * *

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ
И грозно мститъ за брата;
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ;
Спокоенъ подъ громами;
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.

* * *

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! се орелъ пронзиль
Надъ нимъ небесъ равнины.
Могучій вождь главу склонилъ.
Ура! кричатъ дружины.

* * *

Лети ко прадѣдамъ, орель,
 Пророкомъ славной мести
 Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
 Путь гибели и чести;
 Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
 Онъ бодръ и съ сѣдиною;
 Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
 Довѣренность къ герою!
 Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
 Москва на расхищенье;
 Тамъ стѣны... въ Россахъ вся она;
 Мы здѣсь—и Богъ нашъ мщенье.

* * *

Хвала сподвижникамъ-вождямъ!
 Ермоловъ, витязь юный,
 Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
 И страхъ твои перуны,
 Раевскій, слава нашихъ дней,
 Хвала! передъ рядами
 Онъ первый—грудь противъ мечей
 Съ отважными сынами.
 Нашъ Милорадовичъ, хвала!
 Гдѣ онъ промчался съ бранью,
 Тамъ, мнится, смерть сама прошла
 Съ губительною дланью.

* * *

Нашъ Витгенштейнъ, вождь-герой,
 Петрополя спаситель.
 Хвала!... Онъ щитъ странѣ родной,
 Онъ хищныхъ истребитель.
 О сколь, величественный видъ,
 Когда передъ рядами,
 Одинъ, склоняся на твердый щитъ,
 Онъ грозными очами
 Блюдетъ противниковъ полки,
 Имъ гибель устрояетъ,
 И вдругъ... движеніемъ руки
 Ихъ сонмы рассыпаетъ.

* * *

Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремить,
И пышетъ пламень боя...
Онъ веселъ, онъ на гибель зрѣтъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ... однимъ врагамъ
Готовить истребленье;
Примѣръ и ратнымъ и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье.

* * *

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ—пышутъ селы.

* * *

Хвала, нашъ Несторъ-Бенингсонъ!
И вождь и мужъ совѣта,
Блюдетъ враговъ, не дремля, онъ,
Какъ змій орелъ съ полета.
Хвала, нашъ Остерманъ-герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый,
И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!
И Багговутъ, среди громовъ,
Средь копій безмятежный!
И Дохтуровъ, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!

* * *

Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
 На коняхъ окрыленныхъ
 По доламъ скачуть, по горамъ
 Во слѣдъ враговъ смятенныхъ;
 Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи
 Страшатъ какъ привидѣнья;
 Блистаютъ смертью ихъ мечи;
 Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
 По всѣмъ разсыпаны путямъ;
 Невидимы и зримы;
 Слѣдили здѣсь, сражаются тамъ;
 И всюду невредимы.

* * *

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
 Идетъ во мракѣ ночи;
 Какъ тѣнь прокрался вокругъ шатровъ,
 Все зрѣли быстры очи...
 И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
 День свѣтлый не проглянулъ—
 А онъ ужъ витязь на конѣ,
 Уже съ дружиной грянулъ.
 Сеславинъ—гдѣ ни пролетитъ;
 Съ крылатыми полками,
 Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ и щитъ,
 И усланъ путь врагами.

* * *

Давыдовъ, пламенный боецъ!
 Онъ вихремъ въ бой кровавый;
 Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
 Вина, любви и славы.

.

Друзья, кипящій кубокъ сей
 Вождямъ сраженнымъ въ боѣ;
 Уже не придутъ въ сонмъ друзей
 Не стануть въ ратномъ полѣ.

* * *

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
 Свирѣпый пламень брани?
 Онъ палъ — главу на щитъ склонилъ
 И стиснулъ мечъ во длани.
 Гдѣ жизнь судьба ему дала,
 Тамъ брань его сразила;
 Гдѣ колыбель его была,
 Тамъ днесъ его могила.
 И тихъ его послѣдній часъ:
 Съ молитвою священной
 О милой матери, угасъ
 Герой нашъ незабвенной.

* * *

А ты, Кутайсовъ, вождь молодой...
 Гдѣ прелести? гдѣ младость?
 Увы! онъ видомъ и душой
 Прекрасенъ былъ какъ радость;
 Въ бронѣ ли грозный, выступалъ —
 Бросали смерть перуны;
 Во струны ль арфы ударялъ —
 Одушевлялись струны...
 О горе! вѣрный конь бѣжитъ,
 Окровавленъ, изъ боя;
 На немъ его разбитый щитъ...
 И нѣтъ на немъ героя.

* * *

И ты... и ты, Багратионъ!...
 Вотще друзей молитвы,
 Вотще ихъ плачь... во гробѣ онъ,
 Добыча лютой битвы.

.

* * *

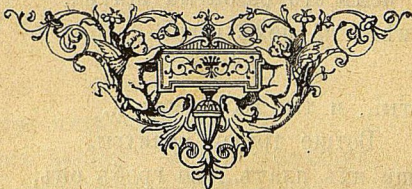
И честь вамъ, падшіе друзья!
 Ликуйте въ горней сѣни;
 Тамъ ваша вѣрная семья —
 Вожей минувшихъ тѣни.
 Хвала вамъ будетъ оживлять

И позднихъ лѣтъ бесѣды.
„Отъ нихъ учитесь умирать!“
Такъ скажутъ внукамъ дѣды.
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя:
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
И водрузитъ тамъ знамя.

* *
*

Подыmemъ чашу!... Богу силъ!
О братья, на колѣна!
Онъ искони благословилъ
Славянскія знамена.
О братья, взоры къ небесамъ!
Тамъ жизни сей награда!
Оттолъ Отецъ незримый намъ
Гласить: мужайтесь, чада!
О будь же Русскій Богъ намъ щить!

В. Жуковскій.

ФРАНЦУЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ ВЪ РОССІИ ВЪ 1813 ГОДУ.

НОТЪ что случилось: въ началѣ третьяго мѣсяца нашего пребыванія въ Костромѣ, были получены послѣднія извѣстія изъ Германіи. Жителямъ было объявлено о побѣдѣ одержанной при Бауценѣ. Торжество было всеобщее; празднества слѣдовали одно за другимъ. Поспѣшили сообщить эту новость и французскимъ плѣннымъ, насъ она поразила глубокимъ огорченіемъ. Къ вечеру этого дня, въ то время какъ я прогуливался по одной изъ отдаленныхъ улицъ, ко мнѣ подошелъ какой-то пожилой человѣкъ, принадлежавшій повидимому къ состоятельному классу общества.

— Вы видите передъ собою соотечественника, сказалъ онъ мнѣ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, я оставилъ Францію, поселился здѣсь; сжилъ съ русскими и не покину моего втораго отечества, но не могу не жалѣть французскихъ плѣнниковъ, васъ приводитъ въ уныніе ложное извѣстіе. Успокойтесь сами и успокойте своихъ товарищей. Мы одержали блистательную побѣду, и говорятъ въ скоромъ времени настанетъ давно желанный миръ.

Горячо поблагодаривъ великодушнаго соотечественника, я бросился къ Евгенію, а потомъ къ плѣннымъ французскимъ офицерамъ. Вскорѣ эта новость распространилась между всѣми французами, жившими въ Костромѣ. Нѣкоторые изъ

нихъ были такъ неосторожны, что расхаживая по улицамъ, громко выражали свою радость.

Мы ожидали съ нетерпѣніемъ заключенія мира и возможности возвратиться на родину, но вышло иначе, за неумѣренное выраженіе радости насъ приговорили къ ссылкѣ въ Вятку.

Насъ выслали двадцать человѣкъ—офицеровъ двое, я и Евгеній. Солдаты шли пѣшкомъ, мы ѣхали въ телѣгахъ. Медленность нашего путешествія удваивала тоску, наводило унылою, однообразною мѣстностью.

Случалось, что иногда богатые помѣщики, мимо усадьбъ которыхъ мы слѣдовали, приглашали насъ къ себѣ. Мы находили у нихъ всѣ удобства, которыя только можетъ доставить богатство. Русскіе дворяне вообще очень образованны, говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ, а на французскомъ такъ же чисто и правильно, какъ и мы сами.

Съ нашимъ языкомъ они усвоили себѣ многое и изъ нашихъ обычаевъ. Мы часто проводили по цѣлому дню среди ихъ гостепріимныхъ семействъ, и пріятный, интересный разговоръ въ кругу образованныхъ людей составлялъ лучшее наше развлеченіе послѣ томительныхъ, безконечныхъ дней долгаго пути.

Но едва переступали мы за границу роскошныхъ помѣстьевъ, бѣдность и простота нравовъ бросалась въ глаза.

Одинъ изъ помѣщиковъ, г. М. Р...., у котораго мы прогостили два дня, особенно былъ любезенъ съ нами. Оказавъ намъ самый радушный пріемъ, онъ просилъ насъ писать ему изъ Вятки. Мало того: губернаторъ этого города былъ его хорошій знакомый, и онъ обѣщалъ упросить его замѣнить мѣсто нашей ссылки Казанью, гдѣ онъ самъ и его семейство проводятъ каждую зиму. Разумѣется, мы желали этого отъ всей души. Жизнь въ Казани представляла болѣе удобствъ, и климатъ былъ здоровѣе.

Какъ только мы пріѣхали въ Вятку, я поспѣшилъ написать г. М. Р.... и напомнить ему о его обѣщаніи. Отвѣтъ не замедлилъ придти: покровитель нашъ увѣдомлялъ, что

просьба его исполнена и насъ немедленно переведутъ въ Казань. Дѣйствительно не прошло и мѣсяца, какъ мы уже были въ древней столицѣ татаръ.

По прибытіи въ Казань, я счелъ долгомъ выразить нашу горячую благодарность г. М. Р. и очень сожалѣлъ узнавши, что онъ на эту зиму не можетъ оставить деревни.

IV.

Отношенія властей и общества къ плѣннымъ. Встрѣча съ сестрою Аніэлы. Жизнь въ Казани. Мысль о побѣгѣ. Віерни. Ночь побѣга. Первый ночлегъ въ пути. Трудности путешествія. Погоня.

Казань какъ городъ не имѣетъ ничего особеннаго, но смѣсь національностей, костюмовъ и языковъ представляетъ изъ нее довольно оригинальный торговый пунктъ. Здѣсь можно встрѣтить сибирскихъ промышленниковъ, крымскихъ и греческихъ купцовъ, турокъ, армянъ и обитателей самыхъ отдаленныхъ странъ Азіи.

Казанскій губернаторъ оказался человѣкомъ крайне любезнымъ, и домъ его былъ постоянно открытъ для насъ. Всѣ мѣстные аристократы, казалось, не знали другаго языка, кромѣ французскаго, и можно было позабыть, что мы находились не во Франціи.

Однажды, на вечерѣ у губернатора, я сидѣлъ въ сторонѣ, погруженный въ свои думы, не принимая участія въ общемъ разговорѣ, какъ вдругъ одна, нѣсколько разъ произнесенная, фамилія заставила меня быстро оглянуться и прислушаться. Это была фамилія семейства Аніэлы; я подошелъ ближе, боясь проронить хотя одно слово. Разговоръ шелъ о невѣсткѣ Аніэлы, женѣ убитаго подъ Москвою ея брата, Владиміра Л.... Всѣ отзывались съ большимъ участіемъ объ этой достойной, всѣми уважаемой женщинѣ. Я поспѣшилъ освѣдомиться о ея мѣстожительствѣ и узналъ, что она занимаетъ особый домъ въ предмѣстьѣ города. На другой же день я отправился разыскивать княгиню Л.... Она жила на

самомъ берегу Волги, въ небольшомъ домикѣ, окруженномъ развѣсистыми деревьями. Проходя по двору, я думалъ съ замираніемъ сердца, можетъ ли она отрѣшиться отъ понятнаго чувства недоброжелательства и антипатіи, встрѣтившись съ человѣкомъ принадлежащимъ къ той націи, въ борьбѣ съ которою палъ ея мужъ? Отвѣтитъ ли она мнѣ на мое родственное чувство, будетъ ли мнѣ другомъ, сестрою, если не ради меня, то ради Аніэлы?

Войдя въ домъ, я велѣлъ доложить о себѣ, какъ объ иностранцѣ, желающемъ переговорить къ княгиней. Въ приѣмной комнатѣ, гдѣ я ожидалъ отвѣта, играли двѣ маленькія дѣвочки, дочери княгини, одѣтыя въ трауръ. Сходство одной изъ нихъ съ Аніэлой до того поразило меня, что я въ волненіи остановился передъ нею, и глаза мои наполнились слезами. Незамѣтно вошла княгиня и ласково обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, чѣмъ она можетъ быть мнѣ полезна? Очевидно, она приняла меня за просителя. Я обернулся при звукѣ ея голоса; княгиня была въ глубокомъ траурѣ, черты ея носили отпечатокъ серьезной, сосредоточенной грусти. Я назвалъ себя и объяснилъ обстоятельства, приведшія меня къ ней. Разказавъ ей, какимъ образомъ я познакомился съ матерью ея мужа, я показалъ ей портретъ Аніэлы и завѣщаніе покойной княгини, ея матери, въ которомъ она назначала меня мужемъ своей дочери.

Княгиня, какъ я могъ замѣтить, была въ одно и тоже время и огорчена и обрадована. Смерть свекрови глубоко ее опечалила; но мысль, что, быть можетъ, Аніэла находится теперь у моей матери, утѣшила ее. Она разказала мнѣ, какъ тщетны были всѣ ея попытки узнать, что нибудь о судьбѣ Аніэлы и ея матери, оставшихся въ Москвѣ въ то время, когда все населеніе бѣжало изъ нее. Я разстался съ княгиней поздно вечеромъ, она просила меня бывать у нея по возможности чаще.

Съ этого времени плѣнъ потерялъ для меня долю горечи.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

ПОЛИТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И РЕМЕСЛЕННАЯ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

БУДЕТЬ Выходить безъ предварительнай цензуры

въ объемъ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю; въ важныхъ же случаяхъ, вмѣсто одного, по два раза въ недѣлю.

Собщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія правительства, новости торговли и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ сжатомъ удобномъ для чтенія видѣ.—Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и рассказы, преимущественно историческіе, и стихотворенія.

Кромѣ того въ „Газетѣ А. Гатцука“ помѣщаются статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также **Критика, Библіографія и МОДЫ** съ рисунками.—Въ теченіе года Газета даетъ въ текствъ до **400** художественныхъ рисунковъ.

Въ газетѣ участвуютъ извѣстнѣйшіе наши литераторы, ученые и художники. (Ө. И. Буслаевъ, Д. И. Иловайскій, Н. И. Костомаровъ, Н. С. Лѣсковъ, Д. Л. Мордовцевъ, А. Н. Плещеевъ и др.).

Въ началѣ года будетъ печататься въ Газетѣ святочный рассказъ г. Лѣскова „Страшная ночь въ Инженерномъ Замкѣ“ и переводъ только что появившихся въ свѣтъ „Записокъ гр. Калиостро“.

 Годовые подписчики на 1882 годъ получаютъ въ началѣ года Острографическій портретъ Государя Императора АЛЕКСАНДРА III, въ концѣ же года Крестовый календарь на 1883 г. на лучшей бумагѣ и 3-й выпускъ иллюстрированныхъ драмъ Шекспира.

Подписная цѣна: безъ перес. на годъ 4 руб.; съ пересылкою-же на годъ — 5 руб., на $\frac{1}{2}$ г. (съ Янв. и Іюля) 2 р. 75 к., на 1 мѣс. 75 к.

Въ Петербургѣ и друг. городахъ подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ конторы Редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. Гатцука; отдѣленіе ея—Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Редакторъ А. А. ГАТЦУНЪ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ „ИГРУШЕЧКА“.

ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТРОЧЕСКАГО ВОЗРАСТА.

Годъ Изданія Третій.

Одобрень Министерствомъ Народнаго просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ, для мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, реальныхъ и городскихъ училищъ, и также одобрень Ученымъ при Святѣйшемъ Синодѣ Комитетомъ для чтенія воспитанниковъ духовныхъ училищъ, библіотекъ, а также воспитанницъ женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Въ 1882 году журналъ „ИГРУШЕЧКА“ будетъ издаваться еженедѣльно отъ 1½ до 2½ печатныхъ листовъ, съ рисунками въ текстѣ и слугзтами Е. М. Бемъ. Годовое изданіе будетъ состоять изъ 50 №№, что составитъ до 100 печатныхъ листовъ.

Въ журналъ принимаютъ участіе: *В. П. Авенаріусъ, С. Н. Атава, М. Н. Бодановъ* (проф.), *Воскресенская, Гесминъ, С. Д. Дрожжинъ, гр. Е. Капнистъ, Н. Н. Кузичинниковъ, С. И. Лаврентьева, Н. С. Льсковъ, В. Л. Львовъ, С. И. Миропольскій, Я. П. Полонскій, А. Н. Плещеевъ, Д. Н. Садовниковъ, гр. Е. Салъ-ясъ, А. Г. Сахарова, Н. А. Соловьевъ-Несмыловъ, И. В. Сорокинъ* (проф.), *гр. Н. И. Толстая, А. Н. Толштрова, А. К. Шеллеръ* (*А. Михайловъ*), *Е. Ф. Юте* и др.

Въ февралѣ 1882 г. выйдетъ въ „ИГРУШЕЧКИ“ повѣсть графа *Е. Салласа*—*Самоваръ*.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи журнала „ИГРУШЕЧКА“, Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16; въ „Современномъ книжномъ магазинѣ“, Пушкинская ул., д. 4, гдѣ находится отдѣленіе конторы журнала „ИГРУШЕЧКА“, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и Н. Г. Мартынова. Гг. иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой: на годъ 6 руб., на полгода 3 руб. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. Безъ доставки: на годъ 5 руб., на полгода 3 руб.

Редакторъ-издательница **Т. Пассекъ.**

Редакторъ-издательница Т. ПАССЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 декабря 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.